

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

ВЕТЕРБУРГ. КАЖДОЕ
ДЕРЕВО КАЧАЕТСЯ
ОТДЕЛЬНО

Евгений Александрович Попов Ветербург. Каждое дерево качается отдельно

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28536677*

Аннотация

Пластичная проза петербуржца Евгения Попова читается легко. Его герои современны, ироничны, некоторая абсурдность их поступков происходит не столько из противоречий жизни, сколько из взаимодействия с её контекстом и парадоксами, но писатель находит точные слова и запечатлевает неповторимость нашего времени, создавая мир несколько гротесковый, но наполненный откровениями, тёплым дыханием и улыбками героев.

Текст публикуется в авторской редакции.

Содержание

От автора	5
Местопребывание	7
Сквозная история	9
Треугольник интеллектуальный	9
Путём героя	11
Треугольник 2.0	19
Об этикете	20
Кого куда	21
Суровая пудра	22
С намёками на физиологию	24
Попутно о птичках	29
О часовом механизме	32
Простое решение	35
Из дневника неуравновешенного человека	36
Опыты над табунами	40
Кит	44
Щепки	48
Коралловый миф	51
Коммуналка	53
Склонное	54
Ожидание	55
Термос	58
Мотивировки	59

Операция
Конец ознакомительного фрагмента.

60

61

Евгений Попов

Ветербург. Каждое дерево качается отдельно

От автора

Написал я роман. Написал, а потом он мне разонравился. Но сжигать я его, конечно, не стал, а просто взял распечатанную рукопись, разорвал листы, открыл окно и выбросил этот мусор на улицу. Было красиво. Есть у меня такая хулиганская привычка, пунктик такой – бросать книги и бумаги в окно и любоваться их полётом. Соседи не жалуются. Смеются. Жалуются они только, когда я копчу на лоджии рыбу. Копчу на ольховых опилках. Им же кажется, что дом горит. Начинают бегать по этажам и спрашивать друг друга: «Это не у вас?» Когда узнают про рыбу, страшно злятся и завидуют и обещают сообщить куда надо. Но сообщают не сразу, а постепенно, через месяц-другой. Чтобы помучился ожиданием сюрприза.

Значит, выбросил я казнённый роман на улицу и успокоился. Сижу. Потом что-то кольнуло в бок, и я раскаялся. Пошёл мусор убирать. Собираю его, а ко мне присоединяются соседи. Им и мне смешно. Они радуются, что я не сжёг

роман, и что не надо им бегать по лестницам, а я радуюсь внезапно возникшему субботнику. «Ты как Гоголь», – шутит сосед Серёжа. «Рукописи не горят» – поддакивает его жена Татьяна. Издеваются по-тихому.

«Это мои птицы-голуби, – отвечаю, – пора им домой. Налетались», – отвечаю. Пусть продолжают думать, что я вроде сумасшедшего. Меньше приставать будут.

Принёс эти останки домой. Положит на стол. Любуюсь.

А перед перфомансом этим я все следы романа в компе стёр. Чтоб не искушали. Короче, поступил необдуманно, легкомысленно, спонтанно.

Долго сидел перед лепестками этими. Замучился. Нанюхался. Тошно стало. Хватит, думаю. Пусть будет что будет. Пора начинать преодолевать трудности.

Кое-как составил в относительно стройную картину нашего бытия. Оглядел. Почитал.

Решил, что получилось раздробленно, но интересно. Правда, кое-где вставились какие-то чужие бумажки. Видно, это Татьяна с Серёгой перестарались, насобирали. Тем занимательней будет роман читать.

Посылаю вам из Петербурга мощный сигнал собственного изобретения, приправленный соусом свободного полёта: Читайте!

Местопребывание

Лишь наличие односторонне пышной и благоухающей розы ветров может вызывать такие чудесные обострения. Только стихия ветра может повышать водяное давление, способное толкать на планомерно-стихийные бунты, мятежи, революции. Только тайные знаки улиц и архитектурных фокусов возбуждают в головах тайных канцелярий желание избавить жителей этого города от свободного пространства в головах, где гуляют ветры. Пульс этого города можно проверять по водяному ординару. Здесь тянет к воде. Здесь спасаются от воды, перебегая по сиятельным страницам классиков.

Да и моя легкомысленная книга могла возникнуть только после хорошего проветривания и промывания головы.

Но я не одинок.

Здесь девушка может долго смотреть в тёмное окно дома на набережной, а потом сигануть в него с криками: «Я – президент!»

Здесь мэр города умеет бегать впереди паровоза, а главный законодатель кричать публично, что в городских колодцах затаилось быдло.

Эта плоская ширь привлекает все стороны света и толкает на поступки отчаянные, вплоть до перевода на несколько часов стрелок на Камчатке, после чего там даже Золушке запрещается терять свою туфельку.

Здесь пекут принцев и ромовых баб разных уровней, а потом поедают их на второй завтрак или полдник.

Говорят, здесь неподалёку проходит разлом и вообще должна быть тундра и вечная мерзлота. Если бы не Гольфстрим! Он крутит циклоны, сбрасывает избытки воды, а потом протирает небо влажной тряпкой, и оттуда свешиваются замёрзшие дожди, которые никто не замечает. Потому что все смотрят в чёрные квадраты, надеясь увидеть в них собственное отражение. Но эти циклоны так и согнали бы этот город далеко на восток, если бы не мозги жителей, преодолевающие ураганное давление и имеющие сильный наклон на запад. Поэтому все занимаются своими делами и благополучно остаются на своих местах.

Теперь о названии.

Ветербург. Ветер – пронзительность, – бург – подземные толчки в болоте. Тёмная зима. Белое лето. Окантованная высокой дорогой, поддерживаемая бабочкой Ветербургской области – смотрите карту! – эта конструкция, кажется, держится на честном слове, напоминающем сквозняк.

Этот водяной тракт всегда будет дорогой и пространством свободного слова и местом, где громко квакают и красиво поют.

Сквозная история

Треугольник интеллектуальный

– Дайте мне полкило демократии, триста граммов избирательного права и кило либерализма, в обмен на три кг социализма и два кг льгот.

А на гарнир, пожалуйста, сто граммов измены. А вот глупости... Нет, глупости не надо. Глупость сама влезет. Или следом придёт.

Женщина застыла в немом изумлении. Стоявший рядом мужчина средних лет, коротко взглянув на говорившего, сказал, после паузы:

– Что вы наделали... Спящая красавица на рабочем месте разорит хозяина и вылетит с работы.

Спящая красавица очнулась, закрыла рот, а потом неожиданно рассмеялась. Тут же нашлась:

– Не стройте мне куры. А вы не пугайте меня! – и, поправив причёску, строго добавила: У меня рабочий день.

– А у Вас словарь интересный. Вы из филологов?

– Я из простолюдинок, вышедших в филологи. Герценовский.

– А я подумал – из математиков. Вы так ловко ведёте светский разговор, при этом чётко всё пробиваете и со сдачей не

ошибаетесь.

– Что делать. Опыт уже имею немалый.

– Тогда Вам прямой путь на сцену.

– А, может, в школу вернётесь? Вот моя визитная карточка. В нашей школе литературная вакансия.

– О! Да мы тут с Вами боремся за сердце прекрасной дамы.

– Типа «По вечерам, над ресторанами...»?

– Ой, мальчики, не надо. Тут классик явно переусердствовал. Повторите и вслушайтесь в звукопись.

Мужчины смотрят друг на друга, повторяя в уме цитату. Потом дружно смеются.

– В школу. Конечно в школу. Дети в Вас будут души не чаять. Вы такая находчивая!

– Возражаю! В театр. Нет, конечно, сначала в студию.

– Смеётесь, что ли? В студию. Я Доронина, что ли, из фильма «Старшая сестра»?

– Мы оба сражены и убиты Вами наповал.

– Выбор за Вами.

– Решайтесь!

– В таких случаях девушки говорят: я должна подумать...

Путём героя

Я вошёл в издательство и стал вести себя, как шпион. Сначала я прошёл и поговорил с кем надо. Потом стал блуждать по коридорам, забыв, где вход и вышел в другую дверь, во двор. Потом вернулся и направился по лабиринтам коридора, заглядывая в кабинеты и тупички, зашёл в туалетную комнату, потом ещё раз покругил по лабиринту. В голове внезапно возникла фраза: «Оставь подслушивающее устройство». Этой фигни у меня не было, но вдруг возникло желание заиметь. «Зачем это?», – подумалось и вышло на свободу.

Шёл сильный дождь, и окно автобуса стало водно-шероховатым и похожим на рыбную чешую. Интересно, что эта водная чешуя была такая крупная, никогда такой не видел. По Неве плыла кроссовка – серебристый прогулочный катер, напоминавший броненосец. Вдали склонялись портовые краны. Город показался родным, как никогда. Как будто это я бросил якоря у Адмиралтейства. Надолго ли – никто не знает, в курсе разве что ангел на Александровской колонне.

Рядом, в саду раскинут ярко-оранжевый коврик прямоугольной клумбы, дальше – задумчивый Сталин-Пржевальский. И фонтан.

– Зачем в дождь фонтан не выключают? – подумалось. А дальше стало думать о Зимнем дворце. Стало интересно:

когда вернётся монархия, царь опять заберёт дворец, этот и Аничков, или не заберёт и поедет жить в Москву? Ограничится лишь Константиновским, а остальные музеи оставит народу и детям?

Мой герой вышел у Гостиного двора. Я следил за ним давно, но ему было на это наплевать. Потому что он теперь считал себя князем, на худой конец, дворянином или волшебником, внезапно открывшим в себе дар безболезненного перевоплощения и телепортации.

– Видимо, это результат поспешных попыток воцерковления, – опять подумалось.

Герой обернулся и показал мне кулак. И был прав, ведь не о княжеском титуле он говорил мне, а о графском. Но я занимаюсь художественным вымыслом. Текст же требует правды текста. Оказывается, она безальтернативна. Ох, эти либералы! Даже в самое сокровенное влезли. Застучали сверху, засверлили! Мало того, что интернет сожрали, они ещё художественным творчеством рулить хотят. Недаром писатель Носов фигурными скобками от них прикрывается, складывает внутри них заветное, открывает его только после вручения премий, зная, что регалии создают хоть минимальную, но защиту.

А мой герой хоть и задирает нос, но воли ему не хватает. Видимо, сказывается жизнь в пригороде. Он жил там до двадцати пяти лет. Я пытаюсь создать его парадную статую, а он не хочет стоять и всё падает. Он начинает напоминать мне

фигуры Геракла, стоявшие под крышей здания местной почты. Почта была построена до Октябрьской революции, поэтому на ней Гераклы и оказались. Они подпирали почтовую крышу и не были похожи на почтовых голубей, готовых взлететь по первому свисту. Но, похоже, что Гераклам там было высоковато, поэтому, опёршись на палицы, они задумчиво смотрели на землю. Встать на землю им помог случившийся пожар. Пожар потушили, но Гераклы закоптились и вскоре исчезли или куда-то ушли. Да и подпирать им стало нечего – крыша стала плоской. Они теперь одну дачу охраняют и любят подстриженным лужком.

Так вот, мой герой не хочет стоять на пьедестале. Он всё время заваливается набок и всячески уклоняется от своих прямых обязанностей. Я обещаю ему славу Довлатова, а он лишь криво усмехается и, опять заваливаясь, кричит, что не хочет русскоязычной славы, что и памятников ему не надо и посылает меня сквозь магический кристалл русской речи в даль свободного романа.

Сегодня мы решили с ним поселиться где-то поблизости от дачного участка с почтовыми Гераклами и понаблюдать за размеренно кипящей жизнью посёлка городского типа, хотя нам пока и не известен тип, владеющий посёлком. Возможно, что в процессе повествования им окажется тот самый владелец дачного участка, нанявший Гераклов в охрану.

Так получилось, что дача стоит на улице Зелёной. Вид из этого солидного двухэтажного дома прекрасный: взгляд сра-

зу устремляется через дорогу, пролетает над соседним домом, скользит по широкому полю и упирается в буйную рощицу с церковкой, охраняющих покой предыдущих поколений, населявших посёлок. Видно, что задумчивые Гераклы оказались здесь на месте. Да и речушка вьющаяся тут и олицетворяющая собой течение времени, как и само время иногда тишайшая, а иногда, в годы природных смут, становящаяся буйной, подчёркивает волнистой линией второстепенность прошедшего. А если смотреть со стороны поля – второстепенность настоящего.

Чтобы закончить виртуальный пейзаж, добавлю, что на месте этой дачи раньше стояла большая деревянная школа, называвшаяся средней, а наш герой (вы читаете – значит он Наш) до поры до времени учился в ней и на уроках физкультуры бегал зимой по лыжне, проложенной полем, которая иногда захватывала в свою петлю и кладбищенское пространство.

Самоходные ветры разгонялись на поле и встречали лыжников корявым морозцем, но что все эти корявости и холода юным спортсменам! Ведь спортивная составляющая на уроках физкультуры в этой школе была высока. Дело доходило до того, что лыжник одного класса, услышав, что соперник из параллельного класса пробежал 3 километра с рекордом школы, после уроков, договорившись с физкультурником Николаем Савичём, бежал эту дистанцию и побивал рекорд соперника.

Самое же постыдное было пробежать дистанцию хуже девчонки. А девчонки в классе героя были крепкие и азартные, обогнать их было непросто. Приходилось упираться, ложиться костью, чтобы выиграть. Это трудно было сделать, ведь мальчишки шести-семиклассники ещё мелковаты. Но зато здесь начинал вырабатываться мужской характер. Получить тройку и даже двойку было гораздо хуже, чем проиграть на дистанции девчонке. Девчонки почти всегда учатся лучше. И это нормально. Но бегать и прыгать хуже девчонок позорно. А после того как ляжешь костью какое учение, какая математика и английский!

И ещё о речке. Здесь, у моста давался старт лыжных гонок. Здесь же был и финиш. С этого моста весной спрыгнул на льдину, кажется Серёга, приятель нашего героя, но промахнулся и ушёл под лёд. Герой долго не верил этому и всё надеялся встретить друга на улице или на перемене. А потом даже имя его позабылось.

Ещё у моста улицы Школьная и Зелёная встречались с Кладбищенской. Куда вела главная дорога всем ясно.

Во всей этой диалектике торжествовало пространство. Окна школы смотрели в высокое небо, на поле с рощей, на дорогу, по которой время от времени проходили печальные процессии, с оркестром и без, и множество детских взглядов блуждало здесь, вырабатывая неодолимое желание куда-то уехать и забыть этот кроткий пейзаж.

Борька... В приступе ревности он выстрелил ей в лицо,

зло выкрикнув: «Заслужила!»

Генка, узнавший об этом от бывшего одноклассника, вспомнил ту некрасивую девочку, некрасивую с красивой не по возрасту фигурой. Он видел их вместе на речке, где они в довольно большой компании местных ребят располагались, расстелив одеяла. Он к ним не подходил. После случая в классе. Борька сидел впереди. Они иногда перешёптывались на уроках, немного, но в меру хулиганили, а после уроков почти всю дорогу шли вместе в группе четырех. Шли обычно очень быстро, соревнуясь в быстроте ходьбы, да так, что иногда по сторонам летели камни из-под ног. Встречные люди уступали дорогу, а старший брат с удивлением рассказывал дома, как его обогнал табун лошадей, из-под копыт которых летели искры.

Однажды перед математикой класс возбудился, все стали слегка сумасшедшими. Генка тоже стал размахивать руками, имитируя удары боксёра, но так, что даже не касался своих соседей. Вдруг он услышал Борькино «Ах так!» и почувствовал удар по зубам. Оказывается, в Борьке сработал какой-то взрыватель и он ударил Генку всерьёз.

Вошла учительница. Генка затих удивлённый. Видевшие инцидент девчонки оглядывались на Героя с любопытством и сочувствием. Шушукались.

С тех пор он стал как-то обходить Борьку. Не потому что боялся, а потому что ему была непонятна Борькина ярость, как будто Борька вошёл в класс из какой-то чужой взрослой

жизни и отомстил ему за что-то.

Наверно Борька вошёл тогда в класс из будущей жизни и отомстил ему за долг ценой в один обед. Борька заплатил за обед на экскурсии в Петродворце. Они ездили туда с классным руководителем уже по окончании 8 класса. Это была прощальная поездка. А Генке родители не дали денег. А Борька заплатил за обед. А Генка так и не отдал долг Борьке. Потому что поступил в колледж и больше с ним не встречался. Видел только издали, но так и не подошёл. Знал, что надо отдать деньги. Но не хотелось подходить.

Так и осталось на его совести пятнышко.

В речке не было рыбы. Почему?

Почему у многих ребят из их класса так жизнь сложилась неудачно? Костя сидел в тюрьме, Петя умер раньше всех, потом Таня, потом Виталик спился, Эдик сошёл с ума... Всего 11 человек – горестное число. А возможно, ещё большее, ведь некоторые уехали потом в другие города.

И тут он понял, что их класс находился не только рядом с директорским кабинетом, но и был ближе других классов к кладбищу. Это поле не отпускало бегавших по нему на лыжах и игравших на нём в футбол. Это была петля лыжни.

Генка ушёл отсюда раньше. Он поступил в колледж. А ребята доучились здесь. И даже то, что последний год они перешли в новую школу, построенную с другой стороны посёлка, не помогло. Они стали отражением этого пейзажа, в цен-

тре которого был погост.

Жуткие отступления и выводы необходимо приправить соусом. Сделать оргвыводы.

Боже мой. Боже мой!

Он глядел на грудь молодой женщины. А там вышитые птицы. Они шевелились при каждом движении и как будто клевали соски, чётко прорисовывавшиеся сквозь натянутую футболку.

Ничего не поделаться с глазами. Это не должно быть плохо. Конечно, спровоцировать на грех оно может. Но ведь эстетический момент каков! Музыкальный каприз, да и только...

И страстным полётом стрижей любишься, но там другое. Другое, но намекающее на человеческую страсть. Хотя, например, и вид сталкивающихся галактик – это страшная страсть. Но тогда надо говорить отдельно и подробно о страсти птиц и галактик. Несопоставимо, но всё равно сопоставляется.

Сумбур в голове, вместо музыки.

Я пишу роман, а мой герой опять капризничает. Отвлекается на всякую физиологию, но деваться ему некуда.

Треугольник 2.0

Во дворе дома нашего героя тоже есть треугольник. Три места, где коммунальные работники постоянно роют ямы. Тёмная история. Кто-то говорит: смешная. Верующий бы сказал: Это Бог наказывает ЖКХ. Мол, рытьё ям в одних и тех же местах – испытание. А я думаю, что в таких треугольниках живёт пятая колонна. Открываешь кран – течёт холодная вода. Закрываешь. Открываешь снова – уже горячая. Закрываешь. Открываешь в третий раз – кран шипит и кашляет. В четвёртый – течёт коричневая. Кто виноват? – Чернышевский. Это он научил их своей инструкцией «Что делать?» Рыть яму в треугольнике раз в два месяца? Одна яма в два месяца. Три ямы в полгода. На одну яму у работников ЖКХ уходит в среднем три дня. Значит, в течение полугода воды в доме нет девять дней, а за год – 18 дней. Это если не считать больших прорывов воды на трассе и трехнедельных отключений горячей воды летом на профилактику. Вот где пятая колонна зарыта...

Об этикете

- Девочки, вам не стыдно находиться со мной в одной комнате?
- ... Не-ет...
- А мне стыдно.
- Почему?
- Потому что когда я подхожу, вы закрываете смартфоны рукой. Вам не стыдно это делать, а мне стыдно за вас.
- Почему?!
- Выходит, что вы смотрите что-то неприличное, но не хотите, чтобы я это знала. Поэтому мне стыдно за то, что я вас так воспитала.

Кого куда

Происходит маркировка людей. У каждого должна быть своя группа. Маркировка – удобная штука. Сразу становится ясно, кого и куда можно впускать.

Вот, допустим, этот талантлив. И даже очень. Но говорит много неприятных вещей. Все знают, что он прав, но ведь он нарушает политес. Может иногда ляпнуть непредвиденное и испортить бережно собранную бочку светского мёда. И пусть мёд искусственный. Но это, как в галерее: надо хвалить, иначе за дурака сочтут. А ещё и провокатором вдобавок объявят. К черни припишут. Или к быдлу, или к бандитам, борющимся за суверенитет.

Суровая пудра

Троллейбусная остановка на углу Невского и Литейного. Суровые имперские черты Салтыкова-Щедрина... Доска о пребывании «В этом доме...» А над доской... А над доской, на русском языке французская пудра: «Кабинет макияжа».

Как говорит поэт Черныш: «Я догадливый...»

Да. Именно так поступал и Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Он готовил страну к большому карнавалу. А что такое большой карнавал по-русски? Это большой макияж.

Вот бразильцы... А что бразильцы? О! У бразильцев карнавал – счастье. Это счастье выплёскивается на улицы и площади Рио и начинает штормить. Европейцев туда тянет. Ой, как тянет! Они, расплескавшие своё счастье в крестовых походах и колониальных войнах, хотят вернуться к своей первозданности. Им уже надоели хот-доги, лающие в рекламных клипах. Им уже не хочется слушать поучения американских проповедников. Они не хотят быть толстыми. Они хотят танцевать народные танцы. Но у них уже не получается. Поэтому они едут в Рио. Или у себя пытаются вяло копировать.

Вот и на джаз их тянет по той же причине. Ведь джаз – счастье афроамериканское. В американском джазе белые люди – белый макияж. Белые люди получают кайф от чёрного рома. А чёрные люди сами – чёрный ром.

Русские, если и пьют, то пьют прозрачную водку. Потому и открыты. А если уж карнавал, то революционный. А если уж макияж для карнавала, то воспалённые речи правды, когда от выпитой водки уже не пьянеют.

Что Михаил Евграфович смотрите сурово? А ведь если приглядеться, у Вас много общего с Модестом Мусоргским. Бунтовщики и авангардисты! Какое хлёсткое слово, какой музыкальный размах! От этих слов и от этой музыки народ трясёт.

Конечно, не весь народ трясётся, а лишь пассионарная часть его, но что с того. Ведь эта часть тоже себя народом зовёт. Большая же часть народа слушает с удивлением и не заводится. А в заведённой части звенит будильник и она поднимается на борьбу.

Борьба подразумевает цель. Думаете эта цель – карнавал? Нет. Все особенности этого карнавала во французском макияже. Когда он обваливается и стирается, заканчивается карнавал и начинается Русский Эпос.

С намёками на физиологию

Поскольку Новый старый год никто не может отменить, можно начать новую жизнь. Теперь уж снова начать. Придется начать. Точно. Если разрешат. Хватит ходить по похоронам. Что ни суббота – похороны. Жалко людей. Это, может, от твоего бездействия они мрут. Это неправильно. Негигиенично. И не справедливо.

Неправильно поступает и этот дед, разговаривающий, стоя над горшком, по телефону. Ладно бы ему позвонили, а то ведь сам набрал номер, открывая дверь в заветный кабинет, и добивается от кого-то каких-то действий, даёт какие-то распоряжения. Ведёт себя как начальник олигархофрендной направленности. Но он прав в главном: он, и получая удовлетворение от бызысходного акта, не теряет времени. А оно ведь тоже текучее и застойное. Там, где застоится, возникает пузырь, похожий на финансовый, который, лопаясь, образует камни. Время течёт, обтекая эти камни, и скоро начинает цеплять плодородную землю, размывает берега. Организм перестаёт мечтать, начиная думать о причинах возникшего в организме конфликта, о его последствиях. Ведёт себя одновременно как следователь и подследственный, забывая о красоте жизненного слога.

А ведь как он хорош, этот слог! Вот, сидишь в каких-то голубых бахилах (в них ты дурак дураком, весь такой неэс-

тетичный и глупый) а вокруг звучит музыка, и женщины вокруг (а дамочки на высоких каблуках в голубых бахилах вообще похожи на коз в галстуках). Женщины разных возрастов: от шмакодявочек-девочек до почти заморских красавиц, озабоченных давaniem эстетического образования своим чадам господствующим. Какое-то царство непримиримости.

Дети здесь малюют, дуют, горланят, красиво машут быстрорастущими конечностями. Космос какой-то, да и только. Если представить, сколько такого вертящегося, горланящего, дующего по всей стране происходит, да ещё в разных часовых поясах, проникаешься священным ужасом. Сакральная природа манящего и отталкивающего искусства стоит за всем этим. Вал всепоглощающий.

Колонна попарно идущих крошек, щебечущих и похожих на не торопящиеся весенние льдинки в Неве, прошествовала. Звучит Рахманинов романтический, ликующий и радостный и неповторимый. И это всё правильно.

Ребёнок, заглядывающий в дверь. Стоит любопытный и загадочный. И как иначе? Вот зашёл. Через минуту выскочил и бегом по коридору. Как букашечка на лугу, летящая по своим неотложным делам. Вот, вернулась букашечка с курткой в руках – мороз на улице, в кабинете холодно.

Рядом сидящие и ждущие стучат своими сердцами. Выстукивают своими ударными инструментами головоломные ритмические фигуры, а сами похожи со стороны на воско-

вые изваяния. Но стоит заговорить с ними человеческим голосом, тут же оттаивают и оказываются, как правило, очаровательными людьми.

Это оттаявшее очарование тем и прекрасно, что открывает случайному человеку, глядящему поверх голов, простые тайны, пусть порой и похожие на тремоло балалаечника. Но любой хорошо звучащий инструмент в руках мастера может однажды потрясти и вывести на чистую воду душу, закопчённую, израненную, даже заплёванную и заколоченную.

О, эта чистая вода! Чистая-то она, чистая, но такая рябь стоит, такие глубины таит... И что в неё только не падает... Тут бы и применить к ней какой-нибудь закон термодинамики. Тут бы и закатать по баночкам этот компот неповторимый... Куда там! Вот увидит это безобразие Салтыков-Щедрин и убьёт букашечку. И не только букашечку, он и людей сопливых пришьёт за шиворот к истории. Мол, никакого коммунизма быть не должно, а широта человека измеряется выдающимся брюхом. Вот, это как бы ему баба из телеги выпала и стала надоедать своим присутствием, находясь в середине эпохи. И такой яд вызвала в душе, что ничего вокруг не видно стало.

Ездит он на скакуне по полям-лугам раздольным в виде Бунина, восхищается, умиляется травами пахучими, крестьянами работающими, песни распеваящими, ужасается, заглянув в котёл с похлёбкой из мухоморов, мол, как вы это

едите эту отраву, яд этот непоправимый! А они-то: ничё, барин, скусно, всё равно что курятинку едим. Быстро наужасавшийся барин тут же продолжает своё движение на лошадке под наркозом умиления жизнью отрадной. Хорошо ему, потомственному ветерану дворянского движения скакать по тучным лугам, лесам пахучим и поющим.

Это уже потом он назовёт этих ранее его умилявших быдлом мерзким. Ведь это они разрушат его быт привычный, выслуженный высокопарными польскими предками. Наслужили с напёрсток, а высокомерия поднакопили на замок с хвостиком. Ух, этот хам грядущий, предсказанный и осуществлённый! Наругает он хама того всякими вескими словами, удовлетворится. А они что, хамы эти, быдло это непродуктивное? Все проглотят, забудут его характер скверный, сволочной прямо скажем характер, талант его вспомнят и снова станут любить, читать и восхищаться словами обидными, произнесёнными в честь их дедов и отцов. «Кому память, кому слава, кому тёмная вода...» Восхитится Бунин наш незабвенный этими словами, поняв, видно, кое-что из прошлой жизни. И поймёт его русский народ. Ведь не зря же учился столько лет, читать выучился поголовно, науки премудрые постиг. Пойдёт ему навстречу народ, подумает и решит, купится на посулы, решит, что зря он желал справедливо распределять прибавочную стоимость. Скажет, мол, правы хулители: неправильные поколения выросли, бунтом ушибленные.

И наслушавшись других своих друзей, колыхателей поверхностей, возрастит народ новых криколюбов, помельче, но пошипучей.

Так и проходит жизнь в соревновании. Такой вот живучий космос.

А если всем встать на роликовые коньки да забыть все эти межгражданские распри? Да не покупаться на умные речи... И пусть за окном снег валит. А мы на роликовых коньках! В этом что-то есть! Это всё равно, что покаяться всенародно. Синоним такой жизни удивлённой... И одновременно думать, что за окном океан. Ведь сильная метафора!

Потому что и от крапивы, например, если прикинуть, можно удовольствие получать. Если она используется в лечебных целях. Или если любоваться ещё, например, её девственными зарослями. Или если сбросить в эти заросли врага. Ну, не самого-самого врага, а мелкого гада в человеческом облики, портящего жизнь. Хотя, с другой стороны, что мелкому гаду наша крапива высокопородная? Соскользнёт ведь без ущерба, а потом затаится. Задумается над тем как побольнее тяпнуть этих, упёртых своей державностью.

Попутно о птичках

Красоту мы быстро перестаём замечать. Вот поёт в моём саду соловей. Красиво поёт. А в двухстах метрах заливаются другой. Они естественно соревнуются, коленца выделывают, особенно ближе к ночи. Кто-то мне завидует: мало ведь у кого есть такое стерео. А если добавить вклинивающихся в концерт зябликов, скворцов, дроздов и других порхающе-поющих, то наступает сущий гвалт. Часов с трёх ночи включается на полную мощность. С непривычки ошалеть можно.

У нас даже снегири живут летом. Когда я впервые услышал этого «флейте подобного», то долго удивлялся. Потому что всегда раньше считал, что на лето снегири улетают в холодные страны. А тут свист-посвист. Сидит на ветке и посвистывает. И смотрит: видимо, ему нравится, как я удивляюсь его явлению. И соловью нравится, когда стоишь, смотришь на него, слушаешь. Видит, что восхищаешься и наяривает ещё пуще. Артисты.

А вот дрозды сварливы. Чуть выйдешь в огород – крик поднимают. Соскакивают с гнезда и стрекочут во всё горло: мол, чего пришёл? Кто тебя сюда звал? Не видишь, что ли, я птенцов высиживаю! Гнездо у него на пятиметровой высоте, а всё равно соскакивает и кричит.

Скворцы поспокойней, поделовитей. Видят тебя, но про-

должают снова по траве. Улетают только, если нарушишь дистанцию.

Птицы. Птицы. Птицы. Да это ведь тоже цивилизация. И не менее совершенная. А уж как она мобильна! Никаких транспортных проблем. И национальное многообразие налицо. Каждая нация поёт на своём языке. И войны у них идут. Едят друг друга, да, бывает. Большие едят маленьких. Почти как у людей. Но в основном питаются всякой мелочью подручной.

Есть у меня один философ знакомый. Он, то философ, то не философ. Когда ему выгодно что-нибудь брякнуть, то говорит, что философ. А когда надо нести ответственность за свои слова, то этот философ сразу говорит, ну, какой, мол, я философ! Конечно, он по-своему прав. Будь я на его высоте, я бы тоже так поступал, ведь главное для него удовольствие – подстрекать. Скажет гадость какую-нибудь и – в сторону. Сидит и глаза от удовольствия жмурит, как кот на солнышке: то закроет глаза, то откроет, чтобы знать эффект его разорвавшейся бомбы, а заодно птичку легкомысленную зафиксировать.

А интернет он такой – всё время взрывается. Во всяком случае, так журналисты в ящиках всё время говорят: интернет взорвался! А что там взорвалось и какой силы и чем волнует им неважно. Главное, чтобы звук громкий был. И это разочаровывает. Ну, думаешь, сейчас сказанёт. А получается почти всегда пук. Ну, иногда они этот пук умножают и

стараются произвести его в воде или в каком-нибудь полупустом помещении. Иногда просто используют реверберацию, то есть, эхо такое, короче искусственный пук делают. Какая уж тут красота...

Но, раз уж я начал с красоты, то красотой и закончу.

Вот когда цветёт черёмуха – это красиво во всех отношениях. И красиво, и вкусно. То же и с сиренью. И рябина с боярышником красиво цветут. Но запах тяжёлый. И ничего тут поделать нельзя. Зато осенью вид красивый. И у рябины, и у боярышника – роскошные ягоды. У черёмухи же так себе: редкие, чёрненькие. Да и те ещё летом опадают. А вот у сирени – тоже, извините за повтор, просто пук получается. Гроздь невзрачных семян болтаются в небе. Их вообще лучше вовремя обрезать или обломать ещё цветами. Тогда сирень в следующем году опять будет шикарная.

О часовом механизме

Эта книжка уже обошлась мне в 500 рублей. Когда составлял её, задумался так глубоко, что, сняв с банкомата 500 рублей, забыл их вынуть из его щели. Хорошо хоть карту банковскую забрал!

Погрузившись в книгу ещё глубже, в этот вертящийся раскол взрывоопасностей, я всё понял.

Выход найден! Я расскажу вам всю правду.

Меня переполняет гремучая смесь из Проханова, Чехова, Зощенко, Лимонова и меня. Она качается во мне и набирает силу. Я устанавливаю часовой механизм и бегу в густонаселённый район. Я хочу, чтобы площадь поражения была больше. Я точно знаю, что разрядить меня уже нельзя. Взрыв неотвратим. Я не похож на пилота, спасающего город от падения горящего самолёта. Я похож на террориста. Мои глаза округляются, становятся глубокими и непроницаемыми.

Вот-вот бабахнет, вот-вот начнётся полёт, от которого встрепенётся читатель. Он же и восхитится. Он запомнит моё имя. Он прочтёт каждую мою строку. Он, как ищейка, вынюхает все мои запахи, истолкует каждый мой взгляд и каждый мой комментарий в Живом Журнале и Фэйсбуке.

И даже тот, кто за глаза называл меня неудачником, вздохнёт завистливо и станет писать мемуары, выискивая в моих поступках только ему видимые приметы будущего неприми-

римого.

После всего произошедшего, я вдруг начну наливаясь соками земли. По моим жилам потечёт густая шельфовая нефть Северного Ледовитого океана. Голос мой станет слышен и на большом расстоянии, пусть я даже буду шептать слова «слава КПСС» или текст из руководства к соковыжималке. Жириновский попытается похлопать меня по плечу, но, не дотянувшись, похлопает по бедру и доверчиво ткнётся головой в моё колено.

При упоминании некоторых имён мои друзья затихают, а одна знакомая дамочка хлопнулась в обморок. А я ничего, привожу всех в глубоко дышащее состояние, щёлкаю кого-то по щекам, делаю искусственное дыхание. Они иногда пытаются обижаться, думают, что я даю им пощёчины. Но после интенсивной мозговой клизмы, почти со всем соглашаются, потом вдруг взбрыкивают в прощальной тоске и принимают мои предложения. Хотя на словах не соглашаются никогда. Но глаза их выдают. Я вижу, как им жалко расставаться с иллюзиями прежних лет. Жалеючи, я не принуждаю их к чистосердечному признанию. Я их просто приговариваю принять это как должное. Они нехотя идут на подобный расстрел, строят мне фиги и козы морды. Но я не могу, продираясь через дождь, жалеть падающие капли. Всё, ребята! После взрыва летят осколки. Ловите их. Приходите ко мне. На месте взрыва я выстрою космодром и буду осуществлять коммерческие запуски на доступных условиях. Предла-

гаю полетать в хорошей компании со мной.

Написал я тут всяких наглостей и подумал: а ну как разочаруются? Так наша жизнь цепь сплошных разочарований. Этим никого не удивишь. Сам себе так и ответил. И добавил: А может кого-то и вдохновит!

Простое решение

Сейчас сразу все зацепятся: а кто дело будет заводить? На героя моего? Каждый и будет. Каждый сам в себе. У каждого в организме есть предмет один. Только спит он у многих. Надо, чтобы каждый будильник свой внутренний завёл – и проснулся по будильнику. И за дела. Возможно, этот будильник совестью зовётся.

И ведь каждый хочет заделаться свободным героем. Иначе должности не будет.

Ведь и в жирном городе, даже иссушенном геометрией, но всё равно неряшливом, в томном пространстве, иссвеченном и оплаканном, в трюмах автомобилей и паштете неразличимой речи, есть места, где бьют родники, где любой ласковый взгляд замечен, где любая картавинка мила, где родинка – это примета.

Бьётся родник. Радуетя сердце.

Обихоженный родничок приятен вдвойне. Такая вот сопливинка и слёзка ребёнка.

Но вот уже читатель и сюжет требует. Будет сюжет. Но чуть позже. Надо же вас подготовить к моим безобразиям.

Из дневника неуравновешенного человека

Зачем этот звук такой острый? Как он прокалывает тряпочку сознания, будит другие звуки, загоняет сон в клетку, требует повинования... «Пиу-пиу!» – плачет металл. Его иголки напоминают печаль по чужой женщине, по жизни, проходящей без главного героя, который уехал в командировку на тот свет. Никто пока не знает, вернётся ли герой, и что у автора на уме. Построит ли он реалистический сюжет, в котором все стороны треугольника равны, и это будет клиническая смерть или его фентэзи уплывёт в сторону и закажет такую музыку, от которой мурашки по телу и тошнота в душе.

В любом случае кто-то останется в выигрыше: толстокожий – от жирных мурашек, чувственный – от печали по неизвестному.

Полумрак тихо вполз в комнату, улёгся поудобней и, посапывая, стал наблюдать. Затрясся мобильник, чиркнул по зеркалу солнечный зайчик. Рука нащупала трясуну, придавила, упала на одеяло и, соединившись с телом, вместе с ним проснулась. На стене зайчик распался на радугу.

Улыбка явилась сама, как та девушка с мороза, плач металла растворился в утреннем свете и звуках юного дня.

Трах-тах-тах – заскрипела тахта, ду-у-ду – задудела вода. Зажурчал чай. Все говорили на своём языке, всё звучало по-русски без слов. Тема звучала актуально, публицистично, завязывался узелок. Герой тоже гудел, журчал, шуршал, хлопал и даже чавкал, придавая мгновениям необходимую прозаичность.

«На свете так много хороших людей, а мне в последнее время так не везёт – всё сволочи попадаются». Такая нехорошая мысль просквозила и сшибла со стола утренний хрусталь – и всё вдребезги! Веник и совок уже не помогут, потому что теперь осколки будут лишь добавляться.

«А почему ты считаешь, что начальники могут быть хорошими людьми? Таких, каких ты встречал раньше, теперь быть не может. Быть добреньким за казённый счёт каждый может. Своя же рубашка не должна прилипать к телу, поэтому лучше потеть за счёт других, тем более в стране, в которой олигархов назначают».

«Ну не выбирать же их на выборах!»

«Не надо ни выбирать, ни назначать. Всем надо становиться самому. Вот и всё».

Каламбурино какое-то! Легко рассуждать или поучать. Всё идет как по маслу, но как тошно!

Осёл кричит с экрана телевизора. Журналист с артистом соревнуются, кто-то спаривается, кого-то спаивают.

Вылетел из дома, как пробка из шампанского горлышка, сзади пузырьки, впереди потолок дороги. Хорошо бы пере-

сесть на танк и продавливать себя в будущее...

Но великое ли будущее, если мысли такие... какие-то... мелкие что ли? То футболист Аршавин со своим «Зенитом» финтит в голове, то шляпа артиста Боярского. Шляпа-то к башке артиста навсегда приклеилась, и он, наверное, и в постели её не снимает. Но я-то при чём!? Влипнуть в память, как поджигатель храма Артемиды... Протопиар в действии! Партийные съезды голосуют: Карфаген должен быть разрушен! Вопрос только – чьими руками? – Руками Стабилизационного фонда – ответ. А чей Карфаген? Американский, российский, китайский? Тайна. Да и неважно чья. Важен процесс разрушения вавилонско-торговых башен. Отпляшем на площадке своё шоу, снимем сливки, сольём их на экраны, слижем с экранов, а потом будем гордо сознаваться, что «телевизор не смотрю!»

Отпляшен-америкашен, рашен-отпляшен, рашен-америкашен. Фи-ло-ло-гия. Сюда бы ещё китайский иероглиф, да где возьмёшь... Впрочем, скоро найдёшь где угодно.

«Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!» Молодец, классик! Как далеко заглянул в наше будущее! Теперь в сетях любого кинофестиваля быются мертвецы. И побеждают! А вы говорили, что нет преемственности. И связь, и преемственность налицо. Тем более что умирают-то все. Или почти все. И классики, и потребители. Но классики всё же бессмертны, так же как и потребители. Все принимают эстафету

из рук своей команды. Или командос...

Перечитай,

Толстого и Чехова перечитай! – на популярную мелодию,
помнишь, итальянец пел?

Или

Обама, Барак Обама!

От Медведева пришла Вам телеграмма.

Зачем вы голову морочите нам кризисом?.. – на мелодию
популярного ансамбля из Океании, кажется.

Читайте, привыкайте любители стиля. Только востребуйте, я такого наверчу да накатаю! На ровном месте падать будете, сволочи!

Опыты над табунами

Сначала я себе не верил, думал, что это от мнительности моей, от комплексов. Но потом понял: это явление социальное и надо рассматривать его внимательней.

Так вот, с некоторых пор у меня отношения с друзьями стали портиться. Вдруг стал замечать как в дружеских глазах огонёк появляется кулацкий, а в голосе холодок стального цвета. У меня от этого даже иней по коже стал пробегать. Именно, что не букашки бегут, а иней.

У меня нет лошади. Ну, нет этих табунов в мотор загнанных. И живой кобылы тоже нет. Нет бы и нет, ничего страшного. Общечеловеческий транспорт есть, может выручить. Да и у друзей ведь эти табуны водятся... В случае чего выручить могут. Ездят в основном пустыми на этих коробчонках, можно хоть мной наполнять частично. И других-то людей подбирать можно было бы, но законов напринимали, чтобы не сливались судьбы людей под одной железной крышей и не образовывались бы ячейки общества неподконтрольные и неподкупные наши демократические. Чтобы не затевали чего-нибудь подозрительного

Итак, появились у друзей колёса... Тут хочется заржать, как живая лошадь, скорбно и печально.

Стал опыты по этой теме проводить, чтобы выявить тенденцию. То одного друга прошу подвезти, то другого. Под-

возят с разной скоростью, а эффект возникает одинаковый...

Нет, когда на близкое расстояние – тогда с удовольствием даже везут и гордятся своим подвигом. А вот если куда подалее – тут труба. Даже если по пути.

С первого взгляда всё нормально, мол, ну проблем, дружище, о чём речь! Но, тут же, мой напрядометр начинает фиксировать учащение дружеского сердцебиения и повышение межличностного давления.

А ведь все мы продолжаем находиться в гуще трудового народа.

И тут я задумался, и сам на себя посмотрел со стороны. Уловил вот что.

Стоит купить какую-то вещь приличную, начинаешь гордиться собой. Идёшь, например, в магазин в новой бейсболке или куртке и чувствуешь, что ростом стал выше, плечи расправились, взгляд приобрёл осмысленность. А если в ботинках новых идёшь, а они ещё и поскрипывают – тут уж на всех сверху поплёвываешь, девушкам улыбаешься, с женщинами заговариваешь. Наступает полная свобода.

А ещё сядешь к другу в новый «лексус», сразу начинаешь различать марки других автомобилей. На какую-нибудь «ладу» уже и не глядишь, фыркаешь, «фольксваген» не замечаешь, и все транспортные утехи становятся значительными, как высота для вольной птицы.

Выйдешь из такого авто и начинаешь понимать, что раздражаешь друзей своими запахами, разговорами на политические и женские темы. Ведь думы людей на колёсах отличаются от дум пешехода, как чемпион от перворазрядника. И пусть я в этот момент тоже качусь, но ведь весь мой менталитет переполнен впечатлениями пешехода, ждущего зелёного света на Рублёвском шоссе. А рубль живёт по законам бивалютной корзины, кондратьевских циклов и никак не соотносится с твоими печальями и заботами. Ему Сорос интересен и цены на 95 бензин.

Короче, меня мой самый хороший друг даже в баню не позвал. А ведь обещал, когда строил сразу позвать в первый заход. Боится, что я его баланс и соотношение с внешним и внутренним миром разрегулирую. Особенно, если правду какую-нибудь расскажу. Ведь у каждого полёта – своя правда. А если летящий гусь правды сталкивается, например, с самолётом, то гудящее чудовище может рухнуть, как Кощей Бессмертный от стрелы Ивана-царевича. Я и есть, наверно, этот опасно летящий гусь. Хотя, может, есть надежда и на звание Ивана-царевича... Кто знает...

Вот такой классовый ужас нарисовался. Тут Маркс обнаруживается на заднем сидении и отдыхает, набираясь новых сил на новом витке истории.

Происходит какой-то крах амбивалентности и мультикультурализма.

И тут начинаешь уже думать о непрекращающейся инфля-

ции и связке евро-доллар в связи с открытием Банка БРИКС.

Думаю, что читатель проникся стилем, поэтому далее произвол будет нарастать. Не надо только забывать, что любой хаос со временем обретает признаки гармонии.

Кит

– Насос включился! – слышится голос, сопровождаемый матерком отставного маэстро, живущего в деревне уже восьмой год.

Засуха. Дачница поливает картошку, из шланга, который наполняется насосом, забирающим всю воду из ручья. Всю воду. Дом дачницы стоит на околице, там где втекает в деревню ручей, единственное спасение в засуху деревеньки, населённой летом другими дачниками и одним местным жителем.

Все ждут окончания полива картошки. Тогда-то и начинается работа. Все спешат забрать втекающую воду. Одни наполняют бочки, другие – банные ёмкости, третьи – третьё.

Когда-то в деревне было с десяток колодцев, но после заготовки леса, проведённой мобильным коллективом истребителей деревьев, сопровождающих тяжёлую технику, похожую на стратегические бомбардировщики, вода ушла, и добыть её можно было только с очень большой глубины. Но в деревне осталось всего два глубоченных колодца, у которых иногда скапливалась очередь за питьевой водой.

Всё началось с губернатора, провозгласившего в девяностые, что область, обладающая такими богатыми лесными ресурсами должна заниматься только лесными ресурсами, и что пусть земли сельскохозяйственного назначения зараста-

ют лесом, который будет расти сам, вместо овса, льна, ячменя и ржи. И животноводства не нужно. На лесные деньги можно будет и мясо закупать, и молоко, и всё остальное. Так и сделали.

Поля стали зарастать деревьями и кустарником. Пилорамы расплодились, заняли места коровников. Три фермы закрылись. Местные коровы стали покидать дворы местных жителей. Из тридцати кормящих бурёнок, к концу второго десятилетия от начала губернаторской программы, на руках местных жителей осталось три.

А тут ещё этот Насос появился! С большой буквы, потому что так прозвали тётку Таню – обладательницу самого мощного насоса в деревне. С ней пытались соревноваться, но что толку! Ведь её дом стоит первым в очереди к ручью. Никаких сельских сходов не соберешь с этими дачниками! Они, понимаешь, прописаны в городе, а здесь они свободные граждане, никому не подчиняющиеся!

Появились, правда, партизаны. Они перерезали шланги или ломали насосову плотину в ручье, но Насос установил камеру видеонаблюдения и засёк террористов. Им пришлось по-хорошему отрабатывать барщину, установленную Насосом, во избежание привлечения к суду.

Вскоре открылась новая опасность. Леса в области поредели, и уже новый губернатор задумался о судьбах родного края. Он нашёл выход и разработал программу добычи полезных ископаемых. Искали их долго но нашли. Ими ока-

зались залежи песка. На этих песках стояли леса, населённые пункты, вроде деревеньки, с живущими здесь насосами. А тут ещё подвернулось, кстати, строительство федеральной дороги грандиозного назначения и торговля песком пошла в гору. Правда горы вокруг нашей деревеньки стали пропадать, и вода в глубоководных колодцах стала убывать. Да и ручеёк стал тощать.

Задумались люди. Не знали что делать: или продолжить борьбу с Насосом, или замахнуться на высшие силы? Задумались-пригорюнились. Кто-то стал искать путей спасения через свои городские связи. Кто-то приготовился сматывать удочки из этого благословенного уголка природы, теперь уже почти проклятого места.

Маэстро стал говорить, что просто климат меняется, теплеет, и потому надо привыкать жить по законам полупустыни. Ведь живут же там люди. Мол, арабов-мигрантов можно пригласить для делёжки опытом. Но это предложение не было принято населением деревеньки с энтузиазмом. Даже напротив: кто-то выбил реформатору стекло в доме, и маэстро даже написал в местную газету заметку о ксенофобии жителей области.

Заметку благополучно замотали, а в администрации был поднят вопрос о бурении артезианской скважины.

Но лето заканчивалось. В августе прошли обильные дожди, и вопрос нехватки воды как-то, как всегда и было раньше, перестал быть актуальным. Дачники подсчитывали свои

запасённые за сезон соления, закатки, добавив к ним ещё и грибные составляющие.

А однажды все даже собрались на отвальную Маэстро. Он всех обнял и сказал, что уж в следующем-то году они всем миром решат все насущные вопросы и пожелал всем благополучного и радостного зимнего пребывания в городе. И даже всплакнул. Последней уехал Насос.

Только остающийся зимовать в деревне Лёша, единственный местный житель, не задумывался о будущем. Он с удовольствием сидел на всех отвальных, если они были, курил свои ядовитые сигареты и получал удовольствие от выпитого спиртного и съеденного закуского, обещая дожить до следующего года и рассказать всем всё, что произошло без них.

В следующем году деревенька стала похожа на сказочного кита и одновременно на средневековый замок на горе посреди озера. Карьеры вокруг деревеньки заполнили талые и грунтовые воды, и не хватало только Конька-Горбунка, чтобы в один миг оказаться в этом чудесном государстве.

Вода вернулась!

Щепки

Под окнами то ли огород, то ли луг. Большущие старые яблони, старательный прямоугольник грядок. В стороне поле картошки. В низинке сломанная яблоня и много сильной травы, где-то скошенной, а где-то высоко взметнувшейся. Дальше взгляд радостно скачет по макушкам рябин, лип, ольхи. И над всем этим зелёным, мощным склоном царит плакучая берёза. Но царит она не как сторожевая башня, а как матушка, зорко следящая за детьми. А может она ждёт или провожает нас. Кто знает...

Дальше взгляд уходит в небо. Улетает как лыжник с трамплина и надолго задерживается в облаках.

– Настя, пойдём за щепками, – слышится через открытое окно уверенный голос бабы Насти. Сказано так, что не отвертишься. Вздремнувшая было после купания, Настя вздрагивает. – У вас и растопки-то для печки не осталось, а Мишка баню подрубает, полно щепок-то.

Хочется заплакать, но Настя подчиняется, берёт корзинку, и выходит на улицу.

– Где мать-то? – Строгий голос бабы Насти заставляет соображать и всегда быть настороже.

– Да в магазин пошла.

– А что мне не сказала? Мне спичек надо купить. А она ведь и грядку вон не дополола. Пошли.

Баба Настя сразу, как только новые дачники приехали в деревню, взяла над ними шефство. Так в советские времена отличники в школе и лучшие рабочие на производстве брали «на буксир» отстающих и отлынивающих от своих прямых обязанностей товарищей.

Пошли они почему-то не прямо к бане, а кругом, сначала вдоль ручья, а потом по тропинке к роднику. Пели комары, цвиркали птицы.

– Стой! Ложись! – вдруг громко зашептала провожатая и, схватив за руку Настю, пригнула девочку к земле. – Мишка едет. Переждём.

Мишка, которому шёл седьмой десяток, проехал мимо на лошади.

– Бежим!

Добытчицы потрусили к бане, быстро набрали щепок и двинулись было назад. Но баба Настя опять взяла Настю за руку, остановила её.

– Он хоть и родственник мне, но вредный мужик. Любую щепочку пристроит, за любое перышко удавит.

Она ещё продолжала что-то говорить, а Мишка, уже без лошади, приближался к ним, улыбаясь. Подойдя, одобрительно мотнул головой.

– Молодец, Настя, будет хоть чем печь растопить. А то с дровишками у вас пока плохи дела.

И непонятно было, к которой Насте были обращены эти слова. То ли он одобрял действия маленькой Насти, то ли

бабу Настю хотел подколоть.

Но скорее всего он видел, как залегли в траву две подруги, и потому глаза его весело блеснули.

Коралловый миф

У меня особые отношения с этим склоном, с этим зелёным прекрасным чудовищем. Он не суров, но и не романтичен. Он сам по себе. Он вытянут. Он беспечен. В нём живут родники. В родниках серебряная вода. Сосед Жора возил её на анализы в Петербург. Как будто склон болен, а Жора заботится о его здоровье, возит на анализы продукты его жизнедеятельности. (Порочный круг ассоциаций.) А Жоре стало интересно потому, что из Жоры вышел чудесный камень. Он всем его показывал: серо-коричневый, внешне похожий на коралловый риф, – с зубринами и острыми вершинами. Все удивлялись: и как это он вышел из Жоры, проделав путь от почек до выходного отверстия! Жора всем предлагал потрогать этот его почечный риф, но все пугались и прятали руки за спину. А именинник радостно улыбался, и было видно, что он счастлив. Теперь Жора хранит ценный камушек за стеклом, в специальной коробочке. Кто хочет взглянуть и потрогать – звоните. А у кого есть подобные залежи в организме, советую узнать адресок.

А ещё из склона вытекает Святой ручей. Там раньше и часовня стояла, прямо над ручьём. В праздник Параскевы Пятницы сюда приезжал митрополит Новгородский, служил молебен. А вокруг ярмарка клокотала, народа тьма, и леса не было, а были сплошные поля. И народу в округе было только

мужского пола 3 тысячи. Теперь-то и трёхсот не соберёшь обоих полов.

Пока я нащёлкивал эти строки, в небе из облаков сформировался огромный крылатый субъект, не знаю какого рода и звания, но довольно светлый. Заглянул в окно и весьма быстро удалился, а за ним проплыл облачный крест, как на Андреевском флаге.

Это стоит июль. Грозовые облака создают удивительный сериал года, не надоедающий, но притягивающий взгляды людей.

А с холма-то смотреть дивья, как говаривала моя мама.

Коммуналка

Настойчивые, а возможно и нагловатые, трясогузки верещат. Они, видите ли, поселились в нашем летнем домике под самым коньком, и теперь выражают своё недовольство тем, что мы приехали и тоже здесь поселились. Они вселились в апреле, а мы в мае, поэтому считают себя хозяевами дома. Недовольны даже тем, что я сижу перед окном на первом этаже, даже его не открывая, и скачут передо мной демонстративно, настойчиво и трепетно.

Птенцы, видите ли, у них вылетают...

Склонное

Длинное облако, почти отражение склона, сбросило де-сант дождя, но он такой мелкий, что я понял – это само облако. Но небо опять закудлатилось. Вдали вдруг распахивается синь. У нас здесь всегда так: какая бы погода ни стояла, но на закате всегда появляется солнце.

Ну, вот, посмотрел очередную серию. Пора идти ужинать. Не тут-то было – забарабанил дождь. Придётся переждать. Чуть косенький, но очень уверенный, колотит по крыше, как оратор на телешоу, дождавшийся, наконец, слова. Но синь, как нахрапистый телеведущий резко обрывает его и даёт слово не рекламной тишине.

Ожидание

Трава густая и высокая. Пройти трудно – путаешься, спотыкаешься, чертыхаешься. Влажное лето, высокая трава.

Скосишь её – просторно и пусто, но и в густой траве, у земли, у самых корней места много: и пробежать можно, и провилять, извиваясь, как змея, и затаиться, если ты маленький.

Этот тихий адреналин рождает чувство спокойной уверенности, как будто душа настраивается на приём света. И жизнь травы, деревьев, птиц, и неба, и земли становится понятной, и ты своим посвистом или шелестом участвуешь в этой симфонии, исполняя своё предназначение.

Выходишь на луг, ещё цветущий, но уже с жёлтыми стеблями травы, с сухими семенами.

Стрекочут кузнечики. Это не те птицеподобные телеприёмники, всё время ищущие и находящие нелепые поводы по поводу своего существования.

Стрекочу кузнечики – весёлый настойчивый народ, принимающий и этот жаркий полдень, и всё, что должно произойти на пути к осени.

Он приезжает на свой участок, в своё поместье в восемь с половиной соток. Каждый метр этого пространства знаком, каждый метр буквально полит его потом.

Взять эту калитку. Он переделывал её много раз. Или этот куст жасмина, притащенный за 300 километров. Или три этих можжевельных дерева, выкопанных в лесу здесь и посаженных перед окнами. Три окна, три можжевельника.

Три куста крыжовника были здесь и до него. Им больше двадцати лет, за ними нет никакого ухода, а они живут. И даже плодоносят. И это несмотря на то, что во второй половине лета на них появляются мелкие гусеницы и объедают листья. Так и стоят голые прутики с мелкими ягодами крыжовника. Он темнеют и становятся вкусными. Из них варят вкусное варенье. Так и с людьми бывает. За ними нет никакого ухода, а они живут и работают. И ещё сами заботятся о ком-нибудь.

А вот и правда, через которую мы перешагиваем: по голым ногам деревьев проводят пилой. Деревья падают с глухим стоном. Это правда болезненная, но она не оставляет его печаль. И эта древесная тоска, и эта жизнь в деревянном убежище, которое надо отапливать дровами... Об этом уже писал знаменитый фантаст, но собственный опыт не даёт покоя, как больная голова покоя ногам не даёт.

Вот иван-чай отцвёл, и его рефлексия, итог его жизни, ватные семена, разносится ветром по свету.

Тоска свободного времени рождает много дурного и много хорошего. Главное – не загнать собственное сердце, его клапаны, пропускающие все эти печали через себя.

Небо очистилось, но солнце опять садится в тучи, и зна-

чит завтра будет чем оправдывать своё безделье. И поэтому он ждёт дождя.

Термос

Если девочка с аккордеоном взволнованно и сосредоточенно ждёт учителя, и вдруг покажется, что опять вернулись тридцатые годы двадцатого века, не спеши делать выводы.

В термосе тысячелетий всё сохраняется довольно долго. Дети щебечут, собираясь в кучки. Но ты тоже сумей сосредоточиться, как та девочка. И не надо придумывать аналогий. Даже если Гитлер и вернулся, хоть мысли и скачут, скажи «Чур меня!» Это древнее приветствие. Они его боятся. «Отведи от меня чары!»

Все задумались о крови. И не о запахе её, и не о цвете. О её близости. В кучки собираются по её близости. Рядят-судачат. Присматриваются друг к другу. Начинают говорить друг другу комплименты. Повторяют их. Потом ещё и ещё. Говорят, мол, как хорошо нам вместе, как мы хороши. Как хорошо мы поступаем. Поэтому надо что-нибудь построить. Можно канаву, можно стену. Главное, чтобы было в честь нас.

Мотивировки

– Одной моей родственнице всегда 25 лет, но я уже даже не помню, сколько ей точно. И новенькой её не назовёшь. Моей бабушке 75. Но ей на 12 лет меньше. Она почему-то прибавляет себе всегда только двенадцать лет, – говорит она.

Другая знакомая убавила своей маме пять лет, чтобы на кресте стояла дата, удостоверяющая, что она была не старше, а моложе лежащего рядом мужа.

Операция

Вислоухое утро радостно повизгивало и посвистывало. Лаковые листья еще не шелестели, но уже распорядились ветром. Майский тренинг напрягал чувства, проверяя их на свежесть, а на тропинках партизанили в засадах необыкновенно размножившиеся в этом сезоне клещи-националисты. Они казались таковыми, они были неприятны, как скачущие на площадях люди, забывшие своё достоинство, стянутые ниточкой бьющего в синей жилке пульса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.